

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ОТДЕЛОМ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ПО ВЗАИМООТНОШЕНИЯМ ЦЕРКВИ С ОБЩЕСТВОМ И СМИ

**Философия
христианской жизни**

4

**Вести Движения «Россия Православная».
События. Люди. Факты**

4–5

**Святая бригада.
Волонтеры Донбасса**

6–8

«НЕ ПОТЕРЯТЬ НАРОД»

24 сентября Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил работу Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви. Открывая заседание, Святейший Владыка обратился к собравшимся со вступительным словом.

Несколько слов мне хотелось бы сказать о миссионерском служении. Миссия – это само проявление существа Церкви. Церковь не может существовать без миссии. Первое, что сказал апостолам Спаситель: «Идите, научите все народы». Поэтому миссия не является какой-то прикладной задачей – она тесно связана с Евхаристией, с совершением Литургии, она в самом центре церковной жизни. Поэтому не буду еще раз повторять, что миссионерское служение ни в коем случае не может ограничиваться повесткой дня только одного синодального отдела. Цели свидетельства о Христе, в конечном счете, подчинена деятельность любого церковного учреждения, да и каждого верующего. Действительно, каждый православный человек, каждый член Церкви призывается к миссии, призывается к свидетельству. К сожалению, в нашей Церкви, вообще в Православии, это не очень усвоено мирянами, в отличие от некоторых сектантских групп, как вы знаете, где каждый член считает своим долгом, своей обязанностью осуществлять миссию. Как это реализуется – другой разговор. Иногда за рукава хватают, куда-то предлагают идти, но факт, что для многих сектантских групп миссия является приоритетом в служении каждого их члена.

У нас совсем не так. Даже некоторые архиереи, тем более священники, не относят миссию к первоочередным задачам. Это очевидный факт, тут и доказывать ничего не нужно. Поэтому еще раз хочу подчеркнуть, что свидетельство о Христе, то есть миссионерская работа, должна включаться в деятельность каждой церковной организации – в деятельность прихода, благочиния, епархии и всей Церкви.

Миссионерские служения в разные эпохи сталкивались со своими проблемами или, как мы теперь говорим, со своими вызовами. В наше время мы живем в условиях переизбытка информации, постоянной конкуренции в борьбе за внимание человека. Миссионер нашего времени должен быть готов к борьбе за сердца человеческие, которые индустрия развлечений, вседозволенность пытаются заполнить пустотой, но чаще всего не просто пустотой, а очень вредным для души содержанием. Как вы знаете, в античности было такое понятие, как «агора», то есть рыночное пространство. Сегодня нет рыночных площадей, где люди собирались бы, обменивались мнениями, информаци-

ей, пытались повлиять друг на друга. Но такой агорой сегодня является Интернет и особенно социальные медиа, которые открыты практически для всех. Даже люди старшего поколения за последние годы стали активными участниками этого процесса. Также многие священники присутствуют в социальных медиа, и некоторые добились на этом поприще значительных успехов. Миссия в социальных медиа должна умножаться, становиться предметом внимания на всех уровнях церковной жизни еще и потому, что новые технологии стали оружием в руках разного рода опасных людей, таких как оккультисты, неоязычники, эзотерики, да и просто шарлатаны всех мастей, которые стремятся эксплуатировать в своих целях естественные духовные запросы. И угроза соблазна людей на этих «агорах», в этих пространствах сейчас чрезвычайно высокая.

Христианское свидетельство в армии также является требованием времени. Военнослужащие, как никто другой, нуждаются в слове Божиим, подкрепленным пастырским участием в их жизни. Есть проверенная веками поговорка «в окопе нет атеистов», и она правдива. Но верно так же и то, что война порождает к жизни деформированные формы духовности. Например, неоязыческие идеи нередко получают почву для развития среди военных, потому что в этих неоязыческих идеях важное место принадлежит, как вы знаете, насилию,

силе. А армия – это место, где проявляется человеческая сила, поэтому есть большой риск того, что невоцерковленных, далеких от Православия военнослужащих может привлекать риторика неоязыческих проповедников.

Кстати, в каком-то смысле, неоязычество паразитирует на ложном тезисе, будто христианство, Православие, как бы остается вне темы героизма. Мы, конечно, знаем, что это не так, что самый большой героизм – это когда человек побеждает самого себя. Мы говорим о наших святых «подвижники», то есть они совершают подвиг, духовный подвиг. Но это не очевидно для очень многих, в том числе для тех, кто увлекается сегодня неоязычеством, потому что неоязычество пропагандирует личный героизм, силу и доблесть. Лживость этого мифа доказывается многими святыми воинами, память о подвигах которых хранит наша Церковь. Думаю, настало время, особенно для наших священников, которые работают в Вооруженных силах, постоянно обращать внимание воинов на подвиги христианских святых, которые служили своему Отечеству в армии, в Вооруженных силах, для того чтобы лживость мифа о том, что героизм несовместим с христианством, доказывалась в первую очередь замечательными примерами из жизни святых воинов, которые бережно хранятся в памяти нашей Церкви.

В этом контексте и школьное пространство должно исключать возможность пропа-

ганды неоязыческих идей, построенных на отрицании христианства, его исключительного вклада в создание российской государственности. Не было бы Русской Церкви – не было бы России в том виде, в каком она существует, не было бы объединения славянских народов и создания великой нации. Отрицание этого вклада означает подрыв фундамента идентичности нашего народа.

Увы, в последнее время мы становимся печальными свидетелями подобных попыток. Информационное общество не исключает возможности для христианина быть свидетелем своей веры, а потому чадам нашей Церкви стоит помнить, что там, где мы отказываемся говорить слово истины, могут быть сказаны слова лжи. Другими словами, если мы не проповедем, то вакуум заполняется чем-то другим. Если мы не провозгласим Божию правду, он заполняется ложью, а если оценить объем лжи, существующей в информационном пространстве, то он ужасает. Начиная от «смешочков», фейков и кончая осознанным предложением людям совершенно ложных идей, ложной информации, ложных страхов и всего того, что сегодня присутствует в информационном пространстве.

Поэтому еще и еще раз хотел бы сказать о важности информационной работы, которая осуществляется в нашей Церкви, и одновременно – об особой важности миссионерской работы. У меня пока не создалось впечатление, что миссия является приоритетом для наших священников, для наших архиереев. Более того, кажется, что инициативы Патриарха иногда воспринимаются примерно так: «Ну ладно, а нас это вроде как не касается». Нельзя сказать, что необходимость развития церковной миссии тотально отрицается, но, тем не менее, миссионерство не является приоритетом для наших епархиальных архиереев. Это очевидно даже из отчетов – о чем угодно пишут, но не о миссии. А на самом-то деле нужно в первую очередь говорить о том, что сделано в области миссии. Идет ли обращение людей, создаются ли общины из неоязыков, происходит ли привлечение интеллигенции – об этом ни слова! Может, я ошибаюсь, тогда попрошу владыку, управляющего делами, потом рассказать, что в этой сфере происходит. Настало время, когда миссия должна стать нашей основной пастырской озабоченностью. Чтобы не потерять народ, особенно нашу молодежь, увлекаемую сегодня многими и многими из тех, кто предлагает ей иной религиозный выбор.

Миссия никогда не должна становиться второстепенным делом, а миссионерская озабоченность – второстепенным чувством.

Доклад Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на X Санкт-Петербургском международном форуме объединенных культур, состоявшемся 11 сентября в Большом зале Марининского дворца, и ответы на вопросы участников форума.

Серьезный разговор о культуре всегда имеет ценностное измерение. Потому что культура – это то, что несет в себе ценность. Все, что ценности не имеет, культурой не сохраняется, превращается в прах. Иногда в прах превращаются и произведения культуры и искусства, и мы знаем такие катаклизмы, которые разрушали целые цивилизации, но сама по себе культура есть механизм передачи ценностей.

Слово «культура» имеет тот же корень, что и слово «культ», и происходит от латинского глагола *colere*, который означает «возделывать», «ухаживать», «почитать». Соответственно, важнейшая тема, начинающаяся в религии и красной нитью проходящая через любую культуру от истоков до современности, – это тема аксиологическая: что именно ценно, значимо, дорого, свято для данного общества в контексте его исторического развития. Тема культуры органически связана с темой ценностей, а там, где нет ценностей, там и культуры быть не может.

Попытки западноевропейской философии XVIII-XIX веков представить религию как «детство человеческого разума» в новейшее время были признаны совершенно несостоятельными, особенно после завершения драмы атеистического гуманизма XX века. Ведь религия обращена не только к разрешению предельных вопросов бытия: что есть смерть, боль, страдание, зло? Она дает и проверенные веками практические ответы на такие вопросы: как жить? к чему стремиться? во что верить? какова цель жизни? Марксистская философия утверждала, что человек живет для будущих поколений. Но ведь это абсурдная точка зрения! Что значит «живешь только для будущих поколений»? А твоя собственная жизнь какую ценность имеет? Или ты просто механизм передачи чего-то, что будут использовать, чем будут наслаждаться и ради чего будут жить будущие поколения? Какова же твоя ценность? Вот сколь уничтожительное отношение к человеческой личности, человеку разумному, которого Господь предназначил для совершенно определенных целей бытия, характерно для марксистской философии.

Неслучайно Мирча Элиаде, один из крупнейших исследователей религии в XX веке, пишет: «Кризис бытия имеет «религиозный» характер, так как на древнем уровне культуры бытие отождествляется со священным». Очень точное определение – все началось со священного. Культура возникла вокруг культа. Некоторые материалистически настроенные люди, размышляя на эти темы, утверждают, что культура первична, а культ вторичен. Нет, именно культ первичен, все начиналось с поклонения божеству. Божества были разные, но всякое поклонение высшей силе сопровождалось проявлением интеллектуальных и эстетических сил человека. В жертву Богу приносили не только животных, но и все самое лучшее – в том числе создавались храмы, замечательные произведения искусства.

Ключевым для культуры в ее классическом виде было греческое понятие *пайдейя*, что означает целостный процесс воспитания и образования человека. Собственно, латинское слово «культура» появилось позже, а *пайдейя* включает в себя не только передачу знаний, но, прежде всего, формирование характера, моральных ценностей, эстетического вкуса. Она не разделяет обучение как загрузку знаниями и воспитание как насыщение ценностями и смыслами. Для древнегреческой культуры одно без другого было не только невозможно, но губительно.

Если же мы посмотрим на современное образование, то увидим довольно непростую ситуацию. Крен современных образовательных систем в формальный интеллектуализм привел к невнимательности к двум другим важным составляющим *пайдейя*: физической культуре и развитию эстетического чувства.

Третий важный момент: необходимо прилагать постоянные усилия для отстаивания и сохранения самих основ культуры, которые, несмотря на свою фундаментальность и значимость, продолжают оставаться пре-

КУЛЬТУРА XXI ВЕКА СУВЕРЕНИТЕТ ИЛИ ГЛОБАЛИЗМ

красными, но слабыми растениями. Если земледелец бросит семена в почву и забудет про них – они могут погибнуть, будучи вытеснены мощью и силой дикой природы.

Сегодня мы наблюдаем активное «раскультуривание»; появилось даже особое понятие для описания вводимых в обиход практик – «новая нормальность». Мы видим также переименование различных «дикостей» в «новую культуру». Прошедшая Олимпиада – яркий тому пример. Репортажи с Олимпиады – пессимистическая картинка, отражающая падающую вниз траекторию духовной и культурной составляющей западной цивилизации, говорящая о невероятном регрессе западной цивилизации, которая пытается подверстывать под себя все другие культуры.

Люди могут продолжать произносить знакомые слова и следовать обычаям, не задаваясь вопросом об их происхождении и смысле – но на деле их разрушать! Они могут придерживаться некоторых убеждений, но быть не в состоянии объяснить ни того, как они возникли; ни того, на чем они основаны; ни того, куда они ведут. Например, в

русском языке мы говорим «спасибо», и, как правило, люди не задумываются над тем, что это слово на самом деле есть не что иное, как пожелание вечного спасения: «спаси Бог!» А ведь православные люди до сих пор так и говорят: «спаси тебя Господь», «спаси тебя Бог» – в ответ на то доброе, что делается в их адрес. Слово сократили, но, слава Богу, даже и в сокращении сохранился его первоначальный смысл. Мы называем последний, или первый, как это было в дореволюционной России, день недели воскресеньем, и не задумываемся об этом. Воскресенье во всех дореволюционных календарях было первым днем недели, но пришла безбожная власть и решила, что воскресенье должно быть последним днем недели, лишь потому, что речь идет о Воскресении. На самом деле это, конечно, первый день, который всегда начинается с молитвы в храме, с мыслью о вечном, святом, значимом. А уж потом, набравшись духовных сил, посетив храм Божий, причастившись Святых Христовых Таин, христиане призваны начинать неделю.

«Раскультуривание» тождественно расчеловечиванию, то есть дегуманизации.

Утратив опорные, религиозно значимые ориентиры, культура утрачивает свою душу. Человек, живущий преимущественно как плоть, то есть как животное, отказывается от высокого человеческого достоинства, которое и возделывают культура и религия. Еще Шекспир устами Гамлета сказал: «Что значит человек, когда его заветные желанья – еда да сон? Животное – и все». Еда и сон – как бы неприемлемые для современного человека идеалы, а ведь мы эти понятия заменяем другими, но того же порядка. Например, отдых – какое огромное значение имеет сейчас это понятие в жизни человека! Как будто на галереях работаем, изнемогаем в течение недели! Наступает воскресенье, и все кто куда, и только небольшая часть вспоминает о том, что первый день недели Богу надо посвящать и в храм Божий сходить. К сожалению, утрачиваем мы эти навыки наших замечательных предков.

«Почитать» и «ухаживать» показывают важность воспитания высокой чести в человеке и возделывания нивы человеческого сердца. Убежден, что отказ от борьбы за высоту нравственного образа человека в угоду

страстям и извращениям – это самое настоящее предательство человека и человечности.

Выдающемуся отечественному филологу Ю.М. Лотману принадлежит замечательное суждение: «культура начинается с запретов». Если бы Патриарх такое произнес, разнесла бы его либеральная интеллигенция в пух и прах, а вот к Лотману не прикоснулись. И особенно поразительно это слышать от человека, который позиционировал себя далеким от религиозной веры. Но Юрий Михайлович настаивал на том, что именно этические ценности придают содержание культуре, а отказ от запретов означает отказ от этических ценностей. Религиозные заповеди, в том числе запреты, есть в любой традиции; они основа «окультуривания». И про это сегодня следует напоминать вновь и вновь! Запреты – это не пути. Запреты, происходящие от опыта человечества или глубокой веры, являются факторами, формирующими человеческую личность.

Христианство никогда не было принадлежностью какой-то одной культуры или группы культур. Ведь оно принадлежит всему миру, его призыв обращен к каждому человеку. Самые разные народы отзывались на Благою весть, то есть Евангелие. Самые разные культуры преобразались под его влиянием, в то же время сохраняя свою самобытность. Христианство всемирно, и в этом смысле глобально. Но оно разительно отличается от того, что мы привыкли связывать с глобализмом. Христианство глобально совсем по-другому: в его всемирности нет обезличивания, стирания уникальных черт каждой культуры и навязывания всему миру сформированных в одной конкретной культурной среде политико-идеологических установок – того, что сейчас происходит и с чем мы сталкиваемся на уровне философии, на уровне политического мышления и даже на уровне культуры.

Культура – это то, что дает возможность каждому народу обратиться к миру со своим посланием, внести вклад в сокровищницу мирового наследия. Таким образом, национальные культуры своим многообразием образуют культуру глобальную, не несущую опасности для их существования.

«Служите друг другу каждый тем даром, какой получил, как добрые домостроители многообразной благодати Божией», – учит нас апостол Петр в своем послании. И это относится не только к отдельным людям, но и к народам, каждый из которых предстает пред Богом в своей уникальности. Православный японец остается японцем, православный якут – якутом. Наша вера не поглощает различные культуры, но духовно преобразует их изнутри. Более того, влияние христианства простирается далеко за пределы того, что мы можем назвать христианским миром, теми странами, где христианская вера преобладает. Любая национальная культура – это достояние всего мира. Русская – в том числе: она прошла тяжелейший путь испытаний, которые достойно выдержала, и по сей день русская культура обогащает мир.

В свою очередь, глобализм стирает и обезличивает различные культуры. Он стремится сделать людей одинаковыми: одинаково одетыми, потребляющими одинаковые продукты и услуги, поглощенными одинаковыми развлечениями, с представлениями о мире, внушенными из единых центров глобального влияния. Какое же наследие передадут своим потомкам носители современной «культуры отмены»? «культуры клика»? культуры вседозволенности? Думаю, ответ достаточно очевиден.

Тема форума: какой должна быть культура XXI века – суверенной или глобальной? Убежден, что корень проблемы лежит в иной плоскости: сегодня мы переживаем столкновение культуры и антикультуры. Это борьба за само понятие человека, что есть человек. Эта борьба идет и внутри отдельных культур, и в общемировом масштабе.

Настоящая культура по природе своей всегда аскетична. Так и говорят: подвижник на поприще культуры, человек, который во имя продвижения культуры, поддержки культуры, создания культурных произведений идет на подвиг самоограничения. Действительно, без стремления к совершенству, через, в том числе, самоограничение и подчинение наших инстинктов высшим целям и ценностям, никакого культурного делания быть не может. Культурное делание – всегда

подвиг. А подвижник – это человек, который двигается, который не стоит на месте. И когда мы говорим «Этот старец – подвижник», а он сидит у себя в келье, полностью отделенный от мира, – о каком подвиге речь? О колоссальном подвиге работы над самим собой. Подвиге, который обеспечивает движение вперед и вверх.

Такая культура исходит из того, что любые достижения – будь то создание семьи, воспитание детей, профессиональный успех или вклад в общественную жизнь – предполагают готовность к жертве и самоотречению. За ней стоит понимание свободы как свободы от страстей или, пользуясь религиозной терминологией, свободы от греховности и тех импульсов нашей поврежденной природы, которые как бы насильственно тащат человека за собой, не давая жить подлинной жизнью, которые поглощают вертикальное измерение человеческой личности.

Наряду с культурой, которая ведет человека вперед и вверх, существует и антикультура, которая настойчиво сталкивает человека вниз по склону, подталкивает его двигаться по пути наименьшего сопротивления, то есть по пути капитуляции перед своими биологическими инстинктами или созданным на основе этих инстинктов мировоззрением. Мы говорим «потребительское мировоззрение», а оно именно оттуда, от инстинктов. Все это, конечно, существовало со времен грехопадения, это не какая-то новация нашей эпохи. Но в наши дни потакание страстям сделалось предметом как коммерческой, так и политической эксплуатации. Использование человеческих слабостей и пороков всегда было высокодоходным делом. Апелляция к полу в самом грубом и примитивном варианте – постоянная тема индустрии развлечений. Сегодня сама тема пола и самоидентификация стала еще одной игрушкой в руках людей «со сожженной совестью», как о них говорил апостол Павел.

Но эту антикультуру подталкивает не только коммерческий интерес. Она обладает большими политическими возможностями. Людей – особенно молодых и житейски неопытных – легко привлечь на свою сторону, прославляя и поддерживая следование по «пути наименьшего сопротивления», объявляя неограниченный поиск удовольствий как бы «священным правом» человека, а любые попытки напомнить о том, что эта дорога ведет отдельных людей, да и может вести всех нас к общественному краху, воспринимаются как угнетение, против которого должны выступать все те, кто считает себя «борцами за свободу». Антикультура всегда является антирелигиозной – она стремится лишить человека всякой духовной опоры и надежной системы нравственных координат. Осознание религиозных корней культуры, напротив, возвращает ей изначальный смысл, откуда все и пошло: культ – культура. Религия и культура, таким образом, не просто союзники. Настоящая культура, как и религиозная вера, устремляет человека к миру идеального, возвышает разум и душу, формирует самосознание и формирует систему этики, в рамках которой и должно осуществляться наше общежитие.

Перед нами стоит непростая, но очень важная задача. В полной мере сознавая, к какой опасной черте приблизился мир, и отчетливо понимая всю возложенную на нас ответственность, мы призваны сообща остановить процесс дегуманизации культуры, вернув человеку и человечеству его высокое, Богом определенное достоинство. Если всем нам будет дано совместно сделать что-то доброе и правильное в этом направлении, то сделанное нами будет иметь историческое значение.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

■ *Укрепление социокультурной идентичности общества, повышение уровня его образования является одним из самых важных приоритетов развития страны. Удастся ли сегодня вернуть образованию его первоначальный смысл?*

■ Образование – это создание образа, формирование образа. Поэтому для того чтобы не было кризиса, надо ясно понимать, какой образ, какого человека мы хотим воспитать. Когда нам говорят, что мы живем в эпоху, так сказать, свободного выбора и что может быть много разных моделей воспитания, образования и всего прочего, я с этим совсем не согласен. Потому что должен быть некая общая модель; должен быть

консенсус – интеллектуальный, мировоззренческий консенсус – относительно того, как должна быть построена система образования. И в первую очередь мы, конечно, должны отталкиваться от того, что являемся наследниками не той культуры, что в Папуа – Новой Гвинее, и не той культуры, что возникла на развалах колониальных империй, и даже не той культуры, которая существовала в Западной Европе. Мы наследники своей собственной культуры, которая сформировалась под влиянием как Востока, Византии в первую очередь, так и, что греха таить, под влиянием западным – это особенно чувствуется в Петербурге. Но эти влияния не разрушили наше самосознание, не разрушили наши культурные ценности, не сделали нас чужими для своей собственной страны и для большинства народа.

А ведь были попытки сформировать интеллигенцию по образу и подобию других стран. К чему это привело? К страшным революциям. Ведь все оттуда, все эти три революции – это продукт такого воспитания, когда молодежи прививали ценности других стран, и желание жить как другие привело к революциям. А наша перестройка, или, как ее в народе называют, «катастрофка»? А все эти страшные эксперименты, которые произошли совсем недавно? Опять-таки, «жить так, как они живут; нам ничего изобретать не надо, нам нужно просто все копировать».

Никакого копирования быть не может.

Это не значит, что мы должны жить замкнуто и не воспринимать опыт других – совсем нет! Образование предполагает, в том числе, научный обмен, интеллектуальный обмен, культурный обмен. Только усваивать надо исходя из того, что говорит апостол Павел: «все мне дозволено, но не все полезно». Вот этот критерий должен быть выработан на общенациональном уровне. Все дозволено, пожалуйста, но все ли нам полезно? А ответить на вопрос, что полезно и что не полезно, – это опять-таки обратиться к нашему целеполаганию. Какую страну мы хотим построить? Какой народ воспитать? Хотим ли мы идти строго по западным образцам? Думаю, сегодня абсолютное большинство скажут «нет!» Люди путешествуют по миру, видят, что там творится, видят, до чего дошло безумие человека, который неправильно истолковал дарованную ему свободу; и то, что Запад находится в глубочайшем нравственном, духовном и даже интеллектуальном кризисе, – очевидно.

Поэтому этот путь – не наш путь, но при всем том мы не должны исключать возможность использования и технологий, и научных знаний, да и просто взаимопользования обмена мнениями, идеями. Замыкаться не надо, только первородство свое терять нельзя. Мы должны быть бдительными: первородство ни в коем случае терять нельзя! А если снова появятся у нас какие-то умники, как уже неоднократно появлялись, то им следует сказать: «Нет, простите, мы уже все проходили – и три революции, и войны, и построение “самого справедливого в мире” общества. Идя по этому пути, мы не достигаем цели и губим наш народ». У нас должен быть другой путь – свой, независимый, в хорошем смысле слова национально ориентированный, когда национальные интересы превалируют. Должны превалировать ценности, которым мы научены не от мудрости человеческой, а свыше, и которые содержатся не только в священных текстах, но вошли в нашу культуру, в ее плоть и кровь, которые помогли нашему народу создать великое многонациональное государство.

■ *Какие риски несет в себе искусственный интеллект для духовного развития человечества?*

■ Все, что касается искусственного интеллекта, – это тема еще до конца не понятая и не осознанная. Есть, конечно, апокалиптические страшилки, когда искусственный интеллект берет власть над всем человечеством и даже какие-то попытки представить этот кошмар в кинематографе. Неизвестно, насколько это близко к реальности, но само понятие искусственного интеллекта заставляет задуматься о многих возможных последствиях применения этого инструмента.

Господь дал человеку разум, но если бы только разум, то мы мало чем отличались бы от искусственного интеллекта. Однако Господь дал человеку еще и свободную волю, и чувства, чего интеллект искусственный лишен. При этом перспектива такова,

что развитие искусственного интеллекта поставит человеческий разум как бы в подчиненное положение, потому что конкурировать с искусственным интеллектом будет невозможно. Если искусственный интеллект достигнет такого уровня, что сможет воспроизводить подобных себе, то возникнет реальная опасность для существования человеческой цивилизации. Пока это выглядит как фантазия, как некая гипотеза, но предположить-то можно, что искусственный интеллект станет творцом и будет воспроизводить себе подобных. Пока это сложно описать в научных категориях, но в категориях философии вполне можно себе представить. Так вот, главная задача заключается в следующем: никоим образом, ни под каким видом нельзя допускать такое развитие искусственного интеллекта, чтобы он вышел из подчинения человеку. Это первое.

Если то, о чем я сказал, носит почти фантастический характер, то второе, о чем я хочу сказать, вполне реально. В вычислительных процессах человек не может сравниться по своим возможностям с искусственным интеллектом, и внедрение искусственного интеллекта может привести к колоссальному технологическому прорыву, к созданию таких машин и механизмов, которые мы сейчас и представить себе не можем. Все это может служить человеку и его благу, а может, как атомная бомба, служить и против человека и нести колоссальную угрозу.

Какой же вывод? А вывод заключается в том, что человек должен становиться лучше – нравственно, духовно. Если прогресса не будет на этом уровне человеческого бытия, то мы проиграем и битву с искусственным интеллектом, и многие другие битвы. Поэтому могу крикнуть на весь мир: если человечество хочет быть счастливым, оно должно быть религиозным. Как у Достоевского? Если Бога нет, то все дозволено. Если человечество теряет религиозную веру, особенно в условиях нарастания технологий, связанных с появлением искусственного интеллекта, то мы действительно входим в эпоху апокалипсиса. Развитие человечества может быть жизнеспособным только при условии одновременного возрастания веры и нравственного чувства. А если вера и нравственная составляющая будут ослабевать, то можно ожидать самых страшных последствий внедрения искусственного интеллекта.

Мы приближаемся к апокалиптическому времени, это всем нам нужно сознавать, и единственный выход из возможного кризиса – вера в Бога. Громко говорю на весь мир: отказываемся от веры в Бога, вновь опускаемся в дарвинистские и марксистские концепции – ничего не получится! Жизнь человека в условиях научного, технологического развития может быть обеспечена только при соответствующем возрастании роли веры и религии, и человек в таком случае сможет правильно программировать искусственный интеллект. Другого выхода нет.

■ *Как Вы оцениваете сейчас феномен возрождения христианской России на фоне отхода Запада от христианских начал?*

■ Есть такой текст: Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Россия, при всем ее могуществе, – ведь очень смиренная страна. Мы никому ничего не навязываем, мы никого не порабощаем. Мы спокойно идем своим историческим путем. Но в силу всего того, о чем мы уже говорили, в силу нашей истории, культурной традиции, глубокой веры нашего народа мы сумели обрести синтез, которого не видели люди эпохи Просвещения, эпохи наступившего атеизма. Синтез веры и знания, науки и религии. Мы сказали самим себе, что наука и религия – это не антагонистические начала. Наука и религия могут и должны сосуществовать. Наука открывает новые законы, на основе чего создаются технические инструменты, которые улучшают человеческую жизнь. Это называется научно-техническим прогрессом, который Церковь благословляет и молится за тех, кто этот прогресс осуществляет. Но при всем том мы как народ и как страна не отказываемся от веры в Бога, соединяя Божественное и человеческое, как соединено это было в личности Господа и Спасителя. В нашем народе Божественное и человеческое соединено, и ни одно, ни другое не разрушается, все взаимодействует и работает, и, покуда будет так, позвольте сказать «шершавым языком плаката», Россия будет непобедима.

ФИЛОСОФИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

12 сентября, в праздник 300-летия перенесения мощей благоверного князя Александра Невского в Санкт-Петербург, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин посетил Свято-Троицкую Александро-Невскую лавру. Главу государства сопровождал Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

В.В. Путин и Святейший Патриарх Кирилл посетили Благовещенский храм лавры. В нижнем храме-усыпальнице Благовещенской церкви Президент России и Предстоятель Русской Православной Церкви возложили цветы на могилу великого полководца А.В. Суворова.

В верхнем храме, где в настоящее время пребывает историческая рака с мощами святого благоверного князя Александра Невского, глава государства и Святейший Владыка поклонились святым мощам. Затем состоялась беседа В.В. Путина со Святейшим Патриархом Кириллом,

беть по поводу креста, но с молитвой Господу испрашивать помощи на несение всякой скорби, которая становится неотъемлемой частью нашей жизни. И тогда обретем великую силу, способность преодолевать горе, несчастье, скорби, сознавая, что, коль скоро все это является крестом, возложенным на нас Господом, то дерзновенное и с верой несение этого креста в конце концов и освободит нас от тяжести крестоношения.

Такова философия христианской жизни. Не отторгать скорбь, тем более не разрушать себя слезами и тяжелыми эмоциями, но спокойно принимать крест как то, что послано свыше. И тогда действительно наша жизнь преобразится. Снизится количество конфликтов, ведь мы обычно обвиняем в наших скорбях кого-то другого: муж – жену, жена – мужа, подчиненные – начальника, начальник – вышестоящих. Уж такая логика – кто-то что-то плохо сделал, а я скорблю и страдаю. Но правильное несение креста дает нам ключ

В тот же день, 12 сентября, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавил церковные торжества в Свято-Троицкой Александро-Невской лавре.

Предстоятель Русской Православной Церкви в служении архиастырей и духовенства совершил Божественную литургию в Благовещенском храме обители. На богослужении присутствовали представители государственных и общественных организаций, а также руководители Движения «Россия Православная» М.М. Иванов и С.В. Смирнов.

За богослужением Его Святейшество обратился к присутствующим с Первосвятительским словом, в котором отметил следующее: «Патриарх, при всех больших возможностях, которые открываются человеку, вступающему на Московский Патриарший престол, тем не менее во многом нуждается. Он не нуждается в каких-то материальных благах, он даже не нуждается в какой-то политической поддержке, но он очень нуждается в молитвах всего народа. Говорю вам от своего собственного опыта: чувствую молитву за меня народа Божиего. Потому что иногда проходишь через такие неожиданные испытания, о которых публично и рассказать невозможно, настолько они сокровенные, но эти испытания бывают очень тяжелыми. И речь не о моей личности, они не связаны с моей жизнью как просто человека, но связаны с несением того креста, который Господь на меня возложил. И нести этот крест, как я сказал в день своей интронизации, невозможно, если вместе с Патриархом не несет этот крест вся Русская Православная Церковь».

А ведь несение креста всегда связано со скорбью, самоограничением, трудностями. Крест никогда не бывает легким;

если же ноша становится легкой, она перестает быть крестом. Но только крестоношение спасает человека, особенно каждого, кто посвящает свою жизнь служению Господу. Вот поэтому, обращаясь к нашему духовенству, монашествующим всей Святой Руси, говорю о том и прошу никогда не скорбеть по поводу креста, который ложится на ваши плечи. За крест мы должны только благодарить, потому что несение креста укрепляет нашу веру, помогает осознать ограниченность наших собственных сил. Вот тогда слова об уповании на Господа становятся не автоматически произносимой, а реальной сильной молитвой, исходящей из глубины сердца и разума. И это, конечно, касается всякого человека: у каждого свой жизненный крест, и никогда не надо скорбеть по этому поводу. Ведь есть такая притча, как некто просил у Господа снять с него тяжелый крест, и Господь дал ему видение: идет этот человек, перед ним лежат кресты, и Господь говорит ему: «Избери тот крест, который ты бы хотел нести». Человек долго думал, всматривался, и какой-то крест ему особенно понравился. Он поднял его и просит: «Господи, помоги мне нести этот крест». И Господь говорит: «Помогу, потому что это тот самый крест, который на тебя и возложен».

Вот это понимание скорби как креста вооружает нас огромной силой. Трудности, скорби не должны разрушать нашу личность, не должны ослаблять наши силы, тем более не должны ослаблять нашу веру. Крест – это проверка на верность Господу. Если достойно несем крест, то Господь и ответит нам за это крестоношение силой Своей благодати.

Поэтому первая и главная заповедь для нас – никогда не отказываться от креста, не сбрасывать с себя крест и не скор-

к правильному устройению нашей жизни, к исторжению из этой жизни всякой скорби и печали, которая не от Господа, а от темной силы, и которую мы должны преодолевать нашей верой и силой благодати Божией. И да поможет нам Господь возрастать от силы к силе, в том числе через преодоление посылаемых нам скорбей, дабы это преодоление и помогало нам действительно восходить к славе Божией».

Далее Святейший Патриарх возглавил крестный ход с мощами благоверного князя Александра Невского из Благовещенского храма Александро-Невской лавры на площадь Александра Невского, где Предстоятель Русской Церкви совершил молебное пение и прочитал молитву благоверному великому князю Александру Невскому.

СОБЫТИЯ. ЛЮДИ. ФАКТЫ

Герой Социалистического Труда Геннадий Баштанюк, Герой России Павел Шевченко, а также Московский казачий хор.

Вячеслав Остапчук, поздравил коллектив завода со знаменательной датой и отметил, что «сегодня, 80 лет спустя, враг снова вторгся на нашу землю, в Курской области снова идут бои с фашистами новой формации, которые олицетворяют мировое зло. Ваша продукция имеет стратегическое значение для наших вооруженных сил, ваш коллектив снова вместе со все страной, как и во время Великой Отечественной войны, в непосредственной близости к фронту кует нашу победу под обстрелами вражеских ракет и беспилотников».

В знак общественного признания и благодарности за верность Отечеству, веру в великую Россию, неустанные труда на благо народа Вячеслав Остапчук вручил награду

общественной организации – Крест «Десятина» заместителю главного инженера завода Владимиру Петрову, председателю наблюдательного совета завода Александрю Ягерю и врио заместителя Губернатора Курской области Сергею Стародубцеву.

В тот же день представители предприятия и московские гости встретились с Губернатором Курской области Алексеем Смирновым, на которой были обсуждены вопросы патриотического воспитания, взаимодействия с общественными организациями, побывали на боевых позициях мотострелков, выполняющих задачи по освобождению от украинских националистов приграничных территорий, где Вячеслав Остапчук вручил шести наиболее отличившимся военнослужащим, уходящим на боевое задание, награду Движения «Россия Православная» – медаль «За други своя».

КУРСК

26-27 сентября. Нынешний год для Курского аккумуляторного завода особенный – предприятие отмечает 80-летие со дня образования. Завод является одним из градообразующих предприятий Курска, входит в состав оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. К сожалению, ситуация, сложившаяся в регионе после нападения украинских националистов на приграничные территории, не позволила в полном объеме отметить важную дату в биографии предприятия, но не сказать «спасибо» тем, кто сегодня своим трудом вносит вклад в победу над врагом, было бы несправедливо.

Чествовать передовиков производства в Курск приехали почетные гости из Москвы, давние друзья предприятия – председатель Центрального Совета ООД «Россия Православная» Вячеслав Остапчук, председатель Президиума ООО «Офицеры России», Герой России генерал-майор Сергей Липовой, председатель Совета отечественных производителей в сфере обороны и безопасности,

НИЖНИЙ НОВГОРОД

1 сентября по благословению митрополита Нижегородского и Арзамасского Георгия в Нижнем Новгороде прошел традиционный крестный ход по трем монастырям с иконой Божией Матери «Страстная», написанной для Крестовоздвиженской обители на Святой горе Афон.

Молитвенное шествие совершилось в ходатайство перед Пресвятой Богородицей об избавлении детей, молодежи и народа Божьего от болезней и страданий, с молитвенным обращением к Царице Небесной об ограждении Нижнего Новгорода от всякого зла, бед и напастей. Впереди крестного хода с хоругвями шествовали члены Нижегородского Свято-Георгиевского общества хоругвеносцев и участники Нижегородского отделения Движения «Россия Православная».

В крестном ходе приняли участие настоятельница Крестовоздвиженского монастыря игуменья Филарета (Гажу) с сестрами обители, священнослужители и многочисленные прихожане нижегородских храмов.

Перед началом крестного хода в Крестовоздвиженском монастыре Нижнего Новгорода была совершена Божественная ли-

тургия. От обители по запланированному маршруту крестоходцы проследовали до Вознесенского Печерского мужского мо-

настыря, где состоялся благодарственный молебен. Затем крестоходцы прошли по набережной Гребного канала до храма в честь

Преображения Господня в слободе Печеры, где также был совершен молебен. После этого состоялся обед, организованный силами прихожан храма. Далее верующие прошли по набережной Гребного канала, Нижегородской набережной, улицам Кожевенной и Рождественской до Благовещенского монастыря. В обители был совершен молебен. После этого у поклонного креста в сквере на пересечении улиц М. Покровская и Маслякова состоялся панихида. Завершился крестный ход молебном в Крестовоздвиженском монастыре.

СВЯТАЯ БРИГАДА

РАССКАЗ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДИЯ ГОСПИТАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ СВЯТО-ДИМИТРИЕВСКОГО СЕСТРИЧЕСТВА ПРИ ПЕРВОЙ ГРАДСКОЙ БОЛЬНИЦЫ ГОРОДА МОСКВЫ ИРИНЫ ХУДЯКОВОЙ ОБ ОПЫТЕ СВОЕЙ ВОЛОНТЕРСКОЙ РАБОТЫ НА ДОНБАССЕ

Служение сестер милосердия зародилось в России во время Крымской войны 1853-1856 годов. После долгих лет забвения институт был восстановлен в 1990-е годы. Одну из первых общин организовал епископ Верейский Пантелеимон, бывший в те годы настоятелем храма царевича Димитрия при Первой Градской больнице. В 2018 году теперь уже в больнице святителя Алексия был открыт Учебный центр по подготовке младших медсестер. С началом СВО в нем был организован ускоренный курс по уходу за ранеными. Из прошедших обучение в зоне СВО побывали более 800 волонтеров-добровольцев. Среди них и автор прилагаемой публикации Ирина Худякова.

ЦЕРКОВНАЯ ДЕСЯТИНА

Решение стать добровольцем пришло ко мне, когда, заболев ковидом, я оказалась в госпитале. Болезнь протекала тяжело и длилась три месяца. Тогда я и поняла, как легко может оборваться твоя жизнь, и это от тебя никак не зависит. Я испугалась, что, если вдруг предстану перед Богом и Он спросит меня, сделала ли я все, что должна была на этой земле, я не смогу ответить. Скажу только, что работала, ходила в храм по воскресеньям и воспитывала детей. И хотя у меня еще были силы и время сделать что-то важное и значимое, я растратила их на какую-то чепуху. Но как еще я могла бы послужить Богу? Мне пришла мысль, что надо делать что-то, непосредственно связанное с моей работой, с тем, что я знаю и умею. Это и будет моя «церковная десятина».

С тех пор я каждый раз спрашиваю себя, буду ли жалеть, что не поехала или не пошла туда, где могла помочь и этим послужить Богу. И если отвечаю «да», то берусь за дело, и сил прибавляется. Но задачи «спасти мир» у меня нет и никогда не было. После выздоровления я окончила медицинские курсы младших медсестер в Учебном центре больницы святителя Алексия и стала помогать в ковидном отделении, где недавно лежала сама. А с началом специальной военной операции еще и в одном из военных госпиталей в Москве. Это дело не требует каких-то сверхусилий, никто никого не принуждает, можно прийти помогать после работы, допустим, раз в неделю, а можно и в свой выходной день. Это волонтер определяет сам.

Узнав, что больница святителя Алексия и Синодальный отдел по церковной благотворительности и социальному служению организуют поездки медиков-добровольцев в Донбасс, я решила, что поеду туда. Как и некоторым другим сестрам нашего сестричества, мне было очень страшно. Перед первой поездкой я взяла из приюта щенка, подумав, что, если вдруг не вернусь, собака будет в утешение маме. Сегодня Тотоска ее лучший друг, а близкие привыкли к моим «командировкам». Правда, сын сначала не понимал меня, но когда я объяснила, почему так делаю, он даже попросил меня прийти в школу и рассказать о поездках, о волонтерстве его одноклассникам. Ребята слушали с большим вниманием. А потом мне звонили родители и говорили, что дети пришли домой потрясенные. Они не думали, что, кроме врачей, медикаментов и медицинской аппаратуры, раненые нуждаются еще и в заботливом уходе, в тепле человеческой души.

МАРИУПОЛЬ

В июне 2022 года Мариуполь лежал в руинах, действовал комендантский час. Город продолжали разминировать, и, ступая на землю, которая раньше была газоном, человек рисковал остаться без ноги или руки из-за разбросанных повсюду мин-лепестков. В городе периодически отключали свет, водопровод не работал, и воду привозили в огромных бочках, возле которых сразу выстраивались длинные очереди. В многоэтажной больнице не работали лифты (видимо, по соображениям безопасности), но свет был. Если воду отключали, мужчины ездили за ней в Новоазовск. Всего нас, доброволь-

цев из Москвы, было шесть человек, мы жили в доме при храме, где свет был только от генератора. Смена в больнице длилась с утра до вечера, но, слава Богу, мы успевали высосаться. Из-за дефицита продуктов больных кормили два раза в день. Продовольствие можно было купить, даже работал рынок, но это было далеко от больницы, и не каждый мог позволить себе сходить туда и что-то приобрести. В одной палате лежали женщины, у которых ампутировали ноги, и я приносила им на ужин сухую лапшу из наших волонтерских запасов. Очень не хватало медицинского персонала и медикаментов. Молодые и пожилые, женщины и мужчины лежали в коридорах и палатах. Один пациент умирал, а на соседней койке кто-то отходил в это время от наркоза после сложной

операции. Многие попали в больницу с обострениями хронических заболеваний, потому что люди три месяца прятались в подвалах полуразрушенных домов без лекарств, медицинской помощи и ухода.

С такой глубиной человеческого горя, как в Мариуполе, я столкнулась впервые. Люди молча смотрели на нас с больничных коек и ничего не просили, они были просто сломлены. Спрашиваешь: «Чем вам помочь?» А в ответ: «А что вы можете? Можете вернуть мне погибших детей? Или ногу, которую мне отрезали?» Я понимала, что мое присутствие здесь будет бесполезно, если сама не шагну в эту пропасть отчаяния, вступив их боль в свое сердце. Самым большим открытием становилось то, что с Божией помощью твои внимание, сострадание и молитва действительно могут им помочь. И самое лучшее, что я могла, — это сесть рядом, обнять и молиться. Для этого нужно было много сил, потому что молиться, когда ты разделяешь чье-то горе, намного труднее, чем просто молиться о близких, у которых все в порядке. И в какой-то момент человек оттаивал. Это ощущалось даже физически. Сначала крепко за тебя держался, потом его руки ослабевали, он отодвигался и говорил: «Ну ты молодец какая! Давай-ка чайку сваргань нам!» А другой говорил: «Спасибо, что вы приехали, миленькие, ну зачем же вы так рисковали? Здесь же очень опасно».

Многих удивляло, что мы приехали сюда по зову сердца, в свой отпуск и работаем безвозмездно. Помню, ко мне подошла женщина и спросила:

— Вы же из Москвы? Я слышу, голос у вас, как у диктора по телевизору.

— Да, из Москвы.

— Скажите, а в Москве знают, что с нами происходит?

— Конечно знают, поэтому мы здесь.

«ПРОСТИТЕ МЕНЯ»

Вадима привезли в больницу в начале июля, и одна из медсестер сказала: «Это ваш пациент — он на всех кидается, дерется, никому не дает поменять памперс и переодеть себя». Вадиму было около 50 лет; заросший, с безумным взглядом, он грубо ругался, грозил нам небесными карами, проклятиями и куда-то звонил по невидимому телефону. Словом, пребывал в неадекватном состоянии.

Он инвалид, очень плохо передвигался и жил в своей квартире с папой и мамой. Когда в городе начались боевые действия, в первую же неделю боев его пожилые родители умерли, и он остался один. Самостоятельно передвигаться уже не мог. Раз в день соседка приносила Вадиму еду. Он лежал дома, пока

что может привести к истощению нервной системы. В Донбассе сестры трудятся с утра до вечера каждый день. И духовник может вовремя предостеречь их от внутренних срывов. Ежедневное молитвенное правило у нас дополнено тропарем о болящих, главой из Евангелия или одним евангельским зачалом, раз в месяц проходит совместная Литургия. Присоединиться к нам может любой человек, но вопрос вступления в сестричество всегда рассматривается индивидуально. Кроме того, мы регулярно собираемся и вместе с духовником сестричества (или его заместителем) обсуждаем вопросы больничного служения, делимся опытом и новостями.

Наша главная задача — это забота, которая заключается в том, чтобы покормить, сменить памперс, вынести судно, обработать пролежни, помыть обездвиженного человека, сделать в палате санитарную уборку. Кажется, ерунда — принести лежачему пациенту стакан воды или трубочку, чтобы он мог попить воды из бутылки, потому что по-другому утолить жажду никак не получится. Но ему сразу становится легче. Это очень здорово поднимает настроение и возвращает к жизни.

Внешне от больничного персонала нас отличает только плат с красным крестом на голове, который носили наши предшественницы во времена Российской империи. И этот символ безмолвно напоминает о нашей причастности к православному веру и Церкви. Видимо, поэтому пациенты иногда нас просят принести молитвословы, Евангелие или помолиться о них и их товарищах. Мы можем ответить на общие вопросы: какие бывают православные праздники и какой ближайший, где можно подробнее почитать о жизни Церкви, рекомендовать какую-то духовную литературу, пригласить священника, поговорить о жизни или молча выслушать пациента. Сарафанное радио быстро разнесло весть, что в московской больнице святителя Алексия есть Тихвинский храм, где ежедневно совершается молебен о всех, за кого просят помолиться, независимо от вероисповедания. И ребята пишут в записках не только свои имена, но и своих товарищей, тем более что крещеных еще и на Литургии поминают.

Сначала наш плат вызывал у одних улыбки, у других недоумение и удивление, но люди скоро привыкли. Один из бойцов называл нас «святой бригадой», хотя мы только отвечаем на вопросы о вере, если кто-то заинтересовался.

В Донецке был случай, когда меня попросили посидеть с бойцом, который тяжело отходил от анестезии. Я присела рядом с ним и взяла за руку. Он сжал мою руку, ошупал, немного успокоился, открыл глаза и, увидев над собой мое лицо с платом и крестом, испуганно спросил:

— Я что, попал в 1914 год?

— Да, — пошутила я.

— Но как?!

Другие раненые на соседних койках смеются: «Машина времени, брат». Он оказался историком по образованию и, увидев мой сестринский плат, решил, что действительно переместился во времени. Но потом очень радовался общению с нами и просил то чаю, то бутерброд ему принести, словом, нуждался во внимании. Ему было очень приятно это общение. За время, проведенное в госпитале, я поняла простую вещь: когда человек оказался на больничной койке, для него забота и уход так же важны, как медицинская помощь. Когда одно совмещается с другим, выздоровление идет намного быстрее. Поэтому наша задача — помочь больному не формально, а вложив свою душу. Очень важно быть искренним и стремиться увидеть и полюбить в человеке образ Божий.

Однажды кто-то из раненых спросил: «Вы, сестры милосердия, с таким вниманием и любовью заботитесь о нас, словно матери и жены. Но как вы можете нас любить, если совсем не знаете?» И я как могла объяснила: «Я знаю Бога и люблю Его. И через

эту заботу о другом человеке могу выразить свою любовь к Нему. Если любви много, то хочется ей поделиться, ты согласишься?» Он кивнул. «Ну, так и здесь. Есть любовь, и мне хочется ей поделиться. Мы же тут нужны?» Он говорит: «Да, конечно, вы очень нужны. Мой товарищ лежит в другом госпитале, там хорошо лечат, но один минус – нет сестер милосердия».

Большинство раненых сначала относились к нам как к монахиням, ждали от нас строгости, чрезмерной серьезности. Но когда поняли, что мы открыты, а я еще и пошутить люблю, то успокоились. Иной раз посмеемся с ними, пошутим, настроение улучшилось, и как-то легче стало всем в палате дышать.

Пациенты часто спрашивают: «Кто у вас воюет?» Думают, что я пришла из-за того, что у меня брат, сын или муж на фронте. Среди наших сестер есть и такие. Я объясняю, что у всех свои причины. Важно другое – мы приезжаем сюда, потому что хотим облегчить их страдания и исполнить заповедь Христа о любви к ближнему. Эти слова приносят большую радость больным и располагают к доверию. И тогда они рассказывают тебе то, чем не могут поделиться с другими и не могут держать в себе. Это тяжелый момент, потому что такой рассказ пропускаешь через себя.

Хочу поделиться оптимистичной историей. Один из раненых спросил меня, когда я мыла ему голову, можно ли найти его форму, в которой он попал в госпиталь. Я сказала, что ее, скорее всего, утилизировали, так как довольно часто форму просто срезают с раненых. «У меня там иконка в кармане осталась», – пояснил он. И рассказал, что однажды нашел в деревне, которую в ходе боя занял его отряд, маленькую иконку Богородицы, выполненную на металле. «Я не очень во все это верю, но почему-то спрятал ее в карман куртки. Когда меня ранило, товарищи не смогли прийти мне на помощь, потому что пространство между нами простреливалось. Я пролежал несколько суток, прежде чем сумел выбраться и доползти до своих. И пока полз, молился. Получается, что Богородица вывела меня к своим живым?» – «Получается, что так», – ответила я.

В другой раз меня поздравил молодой парень и спросил, можно ли ему креститься: «Я давно готов, но перед началом СВО не успел. И то, что остался жив, стало для меня неким знаком. Я из семьи атеистов, но верю, что Христос – это Бог». Я пригласила священника, и мы его крестили. Видели бы вы его сияющие радостью глаза.

Как-то в госпиталь привезли тяжелораненого, и его нужно было помыть. Времени у меня было немного, потому что его ждали уже в другой больнице. И он попросил принести ему иконы Богородицы и Христа. Он даже не мог шевелить руками, и я положила иконочки в его паспорт, как он просил. А потом вспомнила, что у меня есть с собой пояс «Живый в помощи», и предложила намотать ему на руку. Он очень обрадовался. «А крестик у вас есть?» – спросила я. «Был, но тоже остался там на поле боя». – «А хотите мой крестик?» – спросила я. «Очень хочу». И поскольку он был весь в катетерах и трубках, я повязала и крестик тоже ему на руку.

Вообще, немало случаев, когда ребята воцерковляются именно в госпитале, начинают причащаться и даже стараются держать пост.

Еще я бы выделила в особую категорию тяжелораненых бойцов. Они часто пребывают в сильном упадке духа, и даже товарищи по палате просят сестер обратить на них особое внимание. И здесь важно уметь разговорить человека, отвлечь от мрачных мыслей, вселить надежду. В это время я стараюсь молиться, чтобы Господь мне помог.

Так, в Горловке один из молодых ребят с тяжелым ранением впал в мрачное уныние. Я пришла к нему, мы поговорили, посмеялись, что-то повспоминали. Помню, сказала ему: «Ты по возрасту как моя дочка». Потом предложила ему постричься. Я стригла человека первый раз в жизни, и вся палата хохотала и подсказывала мне, как это нужно делать. Естественно, я специально срежиссировала этот спектакль. И боец воспрял духом. Рядом с ним лежал другой раненый, у которого ампутировали обе ноги. Он никогда не просил внимания к себе. А тут поздравил меня и говорит: «Я очень хотел Вас спросить, Бог же ближе к Вам, чем ко мне?» –

Я удивленно посмотрела на него, а он продолжал: – Вот скажите, если я так нагрешил, что мне уже два пожизненных положены, а я сейчас без ног и с такими ранениями тут лежу и страдаю, – я же через это искуплю свои грехи? И Господь меня простит? Я правильно рассуждаю?»

Я почувствовала, что это тот случай, когда нужен священник, и ответила ему: «У Вас вопрос очень глубокий. Я бы на Вашем месте поговорила с батюшкой. Хотите, приглашу его к Вам?» Он сказал, что давно хотел, но стеснялся спросить. Когда пришел священник, этот человек исповедовался и причастился.

ПАСХА В ДОНЕЦКЕ

После поездок в Мариуполь мне очень хотелось побывать в Донецке. И скоро такая возможность представилась. Мне предложили поехать туда с группой добровольцев из Рыбинской епархии на Страстную седмицу. Нас было восемь человек. Мы жили в госпитале и выполняли любую работу, которую нам поручали: постоянно носили питьевую воду из подвала в баклажках по всем отделениям, убрали мусор, мыли полы. По ночам постоянно встречали поступивших раненых,

кормили их, поили чаем, отмывали, срезали перед операцией одежду и т. д.

Несмотря на занятость, я стремилась каждый день хотя бы урывками бывать на богослужениях (на территории больницы был свой храм). Пост соблюдала по мере возможности. Я стараюсь никогда не пропускать ночное пасхальное богослужение, в этот раз тоже пришла в больничный храм. Вместе со мной были еще двое волонтеров. Перед службой священник с амвона объявил, что причащаться могут только те, кто причащается Великим постом и посещал службы. Я подошла к нему и рассказала, что среди нас есть волонтер Александр, который никогда в жизни не причащался, но очень этого хочет, и священник сказал, чтобы он подошел на исповедь. Мы потом исповедовались и причастились.

Эта пасхальная служба в больничном донецком храме была очень радостной, небольшой храм весь был заполнен. Кроме медицинского персонала, пришли и жители округа, ее постоянные прихожане. Меня всегда удивляло, что везде в Донбассе, несмотря на трудности и лишения, люди одеваются в храм очень празднично, опрятно и красиво. Бабушки все были в идеально белых платочках. Они пришли как избранные на пир, приглашенные Христом. Был и крестный ход, когда мы воодушевленно возглашали «Христос Воскресе!», и красивое пение местного хора.

Стоя на службе, глядя на радостные лица вокруг, я не могла поверить, что в пасхальную ночь будет ракетный обстрел. Для меня все это было неожиданно и жутко. У нас в храме служба уже закончилась, я пришла в нашу палату и поздравила сестер с Пасхой. И вдруг раздался свист летящих ракет, который я раньше никогда не слышала. Одна из сестер даже спросила: «Это что, петарды?» Взвыли сирены. Раздались взрывы. Мне трудно описать свои переживания в этот мо-

мент: звонят колокола, сердце переполняет пасхальная радость, кажется, ликует весь мир, славящий Христа. И вдруг летящая со свистом смерть, вой сирен и ясное осознание, что всего один миг – и тебя больше нет.

Мы бросились на первый этаж, предполагая, что сейчас привезут раненых. Но в ту ночь никто к нам так и не поступил. Знакомый врач подарил кулич, который испек сам, и мы съели его утром с большой радостью. Тогда, 16 апреля 2023 года, по Донецку выпустили 20 ракет, были пострадавшие и жертвы. До нас ничего не долетело. На следующий день город как будто вымер. Все знали, что после массивной ракетной атаки через какое-то время обстрел повторится. Тем не менее местные жители утром пришли в больничный храм освящать яйца. У них по традиции яйца освящают не в Великую субботу, а утром на Пасху. Во вторник Светлой седмицы я вернулась в Москву. И, вспоминая потом об этой поездке, поняла, что Господь все равно всегда рядом, несмотря на все ужасы, которые посылает нам судьба. А Александр, о котором я рассказывала выше, через месяц ушел на СВО, он и до сих пор там. Если можно, помолитесь о нем.

Святых Таинств. Я тоже сегодня причастился. Какое счастье, что мы православные верующие!»

Побывав в Мариуполе, Донецке, Луганске и Горловке, много раз попадая под обстрелы, ощущая дыхание смерти, Ирина, несмотря на это, считает свое служение благословением Божиим и возможностью помочь тем, кто в этом больше всего нуждается.

* * *

КОНТРОЛЬНАЯ, ИЛИ ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Обычное переменчивое майское утро – очередная попытка угадать одежду на улице – пуховик или джинсовка. Сын пошел в школу, его ждала важная итоговая контрольная, практически генеральная репетиция ЕГЭ. На работе было как в пчелином улье – много сот – квартир моих подопечных, и суматошно летающая пчела – я, соработник Ирина.

– Ирина Викторовна, что случилось? – у меня определился телефон классного руководителя.

– Все в порядке, спасибо, – недоуменно ответила я.

– Федя не пришел в школу, его нет на контрольной, он заболел?

Сердце упало.

– Как не пришел? Я его проводила.

Трясущимися руками набрала номер сына:

– Мам, я на трех вокзалах, потом все объясню. Это важнее контрольной! Не знаешь, где очки можно купить? Я просто одному человеку помогаю, у него контузия, плохо видит, а очки украли.

– Какая контузия?? Какие очки? Эту контрольную можно теперь переписать только летом! Почему ты не пришел в школу? Что теперь делать? – орала я.

– Контрольную можно переписать, правильно ты говоришь, – спокойно ответил Федор, – а человек нуждается в помощи сейчас. Ты же тоже помогаешь!

На это мне нечего было возразить, ведь я волонтер в военном госпитале и знаю, как важно быть рядом и оказать помощь и поддержку в нужный момент.

– Дай трубку этому человеку! – потребовала я, – Вы не могли обратиться за помощью к взрослому человеку? Обязательно было просить ребенка? Ему шестнадцать лет!

– Простите, я вообще никого не хотел просить о помощи, и не стал бы. Но ваш сын сам предложил, он добрый парень, и я не знал, что он ребенок. Простите...

В процессе разбирательства выяснилось, что по дороге в школу, уже почти до нее дойдя, Федор увидел сидящего на остановке человека средних лет (как выяснилось потом, мы с ним с одного, 1979 года), которому было нехорошо. Сын спросил его о самочувствии и предложил помощь. Тот сначала отказался, а потом сказал, что плохо ходит и плохо видит.

Владислав был комиссован после контузии и несколько дней ночевал на вокзале, где у него украли очки и опорную трость. И знал там оптику с недорогими очками, куда они и приехали. Денег ни на что другое не просил, только на это. Пока в оптике был технический перерыв, они слушали Цоя на телефоне Федора. Потом приобрели самые дешевые очки, долго искали ортопедический салон, но нашли и купили трость. Он был счастлив! Видеть и ходить – простые, но такие важные вещи!

А самое удивительное, знаете, что? У Владислава на ногах была жуткая резиновая обувь. Такая, толстокожая, абсолютно не дышащая, годящаяся разве что для прогулок по северным болотам, никак не для мая. И когда они с Федором шли по вокзалу, к ним стремительно подошел человек восточной наружности с пакетом в руках, и вручил его со словами:

– Брат, носи на здоровье!

И столь же быстро ушел, не оставив никаких объяснений. В пакете были хорошие, модные мужские кроссовки. Федор сказал:

– Как же много на свете добрых людей!

Владислав с ним согласился. Он не считывал ни на кого, не просил, хотя отчаянно нуждался в необходимом, но люди сами ему помогли. Их послал Бог, как сказал он.

А контрольную по русскому придется переписывать летом. Ну и ничего страшного же, да?

КРЕЩЕНИЕ ВОЙНОЙ

В первый день Успенского поста, 14 августа, я листала ленту в соцсетях. Обещала себе, что до разговения постараюсь меньше сидеть в Интернете, но не сдержалась. А как тут сдержаться? Курская область. Столько-то погибших, столько раненых, столько без вести пропавших. Беженцы, волонтеры. А вот допрос украинского пленного. Монах из Горнальского монастыря, который находится прямо на границе с Украиной, рассказывает, как убили болящего Сережу. А у кого-то – Медовый Спас и фото пчел. У кого-то, слава Богу, – крест и смыслы.

Понимала, что от этого моего бесконечного нервного чтения никому никакой пользы, один только вред. Но и поделаться с собой ничего не могла. И вдруг среди всего этого потока я наткнулась на пост одной удивительной женщины. Живет в Донецке. Журналист, волонтер, вечно помогает старикам, детям, вообще всем. Куда-то бежит, что-то делает. А еще она пишет стихи. Зовут ее Ирина. Она писала про этот свой день – 14 августа. Только десять лет назад, в 2014 году. Тогда произошла ее встреча с войной.

«КРЕЩЕНИЕ ВОЙНОЙ»

Потом, по телефону уже, она рассказала, что десять лет назад в числе прочих журналистов делала сюжет. И тут – прилет. Конечно, она знала уже, что у них на Донбассе идет война, что гибнут люди. Но пока, как и многие, не пробовала ее на вкус. «Мы были еще не пуганными», – говорила она.

Наткнувшись на тот ее пост, я перечитывала и перечитывала его: «Сегодня день, память о котором хотелось бы вытравить. Наше с сыном “крещение войной”. Горячий осколок в руке, трупы на главной улице города, трупы в сгоревшей вместе с людьми машине ДПС во дворе, лужицы крови на асфальте, вставшая дыбом ива во дворе 1-й горбольницы – под корни ивы влетел осколок, засыпанная стеклом земля, валяние на этой земле под надсадный крик коллеги “Ложись!” и свист над головой. Много чего видела после, но это было первое, лицом к лицу “свидание” с войной. Сегодня ровно 3730 дней нашей войны».

Я читала и не могла вместить. Не только эту страшную цифру – 3730. Но и другое. 14 августа 2014 года – для меня ведь тоже очень важная дата. Я не хочу ее забывать, потому что она – о жизни и счастье. В тот день я родила нашу четвертую дочь. Новый человек пришел в мир! Новая жизнь!

Я возилась с дочкой в роддоме и параллельно читала новости. Бомбежки Донбасса, погибшие дети. Это казалось невозможным, нереальным, чем-то, чего просто не может быть. Мозг и сердце отказывались это воспринимать. Как это все может быть, если я только что родила свою дочь? Все внутри меня противилось. Как ни крути, тогда, десять лет назад, это было еще далеко. Как будто не с нами. Из какой-то другой, чужой жизни. И чужой смерти.

А сейчас это все стало ближе. Настолько близко, что в это тоже сложно поверить. И обострены чувства.

Десять лет назад, в один и тот же день, у меня был праздник и новая жизнь. У тех людей тоже началась новая жизнь. Но лучше бы не начиналась – такая. И все это сейчас сплелось для меня в какой-то клубок переживаний. Рождество и Распятие. Рождение моей дочки и ужас, который обрушился на тех людей именно в празднование Изнесения Честных Древ Животворящего Креста Господня. Креста, который они в тот день взяли – вольно или невольно. И несут почти четыре тысячи дней.

РЯДОМ И ЖИВЫ

Я поделилась своими ощущениями под постом Ирины.

– Летом 14-го сильно стреляли по больнице Вишневецкого, – писала она. – И почему-то именно по родильному отделению. Мы репортаж делали об этом. Несколько младенцев родилось в подвале. Спасали врачи и рожениц, и детей. Сейчас этим ребятишкам по 10 лет стукнуло уже.

– Ведь это вся их жизнь, – писала еще одна знакомая.

Они другого и не видели. Язык не поворачивается говорить: «Мы с вами! Держитесь!» Вы там, а мы тут – со своими мелкими проблемами, неприятностями, неудобствами.

– Война враз меняет приоритеты. Если все твои рядом и живы, это счастье! – говорила мне Ирина.

Знаете, у меня примерно в эти дни Сбер заблокировал все счета. За гуманитарные сборы. Потом разобрались и разблокировали. Но эта неделя была для меня огромным стрессом. Я писала им, звонила, молилась, а они все говорили, что идет рассмотрение моих материалов. А потом я вдруг подумала: «Господи, это такая мелочь по сравнению с тем, что сейчас в Курской области, в Белгороде, на Донбассе, а я ною. Да они сейчас были бы счастливы оказаться на моем месте». Знаете, как говорят: «Твоя “несчастливая” жизнь – это чья-то мечта». В общем, подумала так и прочитала благодарственные молитвы. И тут мне пришло сообщение, что меня разблокировали. Зачем я это рассказала. Наверное, потому что для всех нас наступает время, когда многое, что еще вчера было важным, сегодня становится мелким и незначительным. И наоборот. А счастье – это когда рядом и живы. И надо благодарить.

«ЭТО И ЕСТЬ ЖИЗНЬ»

А так, да. Все сплелось в какой-то клубок. Тогда, 14 августа, думая о том, какие разные смыслы несет для меня и Ирины этот день, я вспомнила другую историю.

Это было давно, больше десяти лет назад. Не было еще никакого Майдана, и никакой войны еще не было. Даже на Донбассе. Тогда рожала свою дочь одна моя подруга. Мы молились, и все шло благополучно. И в этот же день другая наша общая подруга хоронила свою. Девочка родилась гораздо раньше срока и прожила три дня. Слава Богу, ее успели крестить. За нее мы тоже все молились. И я тогда думала: «Надо же, все рядом – рождение, смерть».

– Это и есть жизнь, которая пробивается сквозь любые препоны, – ответила мне тогда под своим постом Ирина, когда я писала, что десять лет назад, когда у них гибли люди, я рожала и была между нами пропасть.

А потом началось то, что началось. Это коснулось многих из нас – кто, как когда-то Ирина, никогда до этого не пробовал войну на вкус. И коснулось украинцев, которые до этого делали вид, что Донбасс их не касается. Это же все равно «где-то там».

Помню, знакомая одна с новых уже территорий, когда началась СВО и они попали под раздачу, сказала мне:

– Надо же. А Донбасс так живет уже девять лет.

До этого считала их сепаратистами. А сейчас паспорт российский получила, за наших пацанов молится, потому что дороги они – все, конец там людям.

С 2022 года все чувствуется ближе и острее, да, хотя многих лично и не коснулось. И слава Богу! Но все туже заматывается жизненный клубок.

Два парня – одноклассники. В одном дворе жили, за одними девочками бегали. Один мобилизован и погиб. Другой женится. И всё это – с разницей в месяц. Причем женится на девушке, в которую оба были влюблены. И на похоронах погибшего бойца тот, кто остался жить и женился, обещал, что будет помогать его родителям. И их общую любовь никогда не обидит. Не только ради нее и себя, но и ради того, кто ушел. Клубок.

В кафе недавно с Машей были. Там справляли день рождения какого-то ребенка. И нам тортика перепало. Просто случайно. Весело было, тепло. Мама именинника беременна вторым. Сияет. И тут же читаю новости. Суджа. Застрелили беременную женщину. Беженцы, беженцы, дети. Всё это сейчас, в одну минуту – праздник и смерть. И пропасть. Но слышу, как за праздничным столом начинают говорить, что там, на войне, сейчас родной брат беременной мамы. И на веселом детском празднике вдруг поднимают бокалы за тех, кто там – в окопах. И слезы. Клубок. Но это и есть жизнь, которая пробивается через все препоны.

ОСТАТЬСЯ РОДНЫМИ ЛЮДЬМИ

А есть сейчас и другие клубки – пострашнее, хотя куда уж страшнее. Но позапутаннее – точно. И сколько времени нужно будет, чтобы их распутать, я не знаю.

Обычные русские люди, простые. Я знаю Надежду – мать семейства. От других отличает их только то, что у них в семье сразу несколько человек воюет. Причем – по обе стороны. Вот и получается: родные – здесь, родные – там. И молятся люди, чтобы все остались живы и не встретились на поле боя. Чтобы не нужно им было друг в друга стрелять. Вот такая жизнь. И наша задача – остаться в этом всем родными людьми.

И думает Надежда, как и я сейчас, что казалось десять лет назад, что между нашей жизнью и жизнью на Донбассе – пропасть. А вот он – Курск. И мы сами смотрим в эту пропасть и молимся. И меняемся. Да, люди сейчас очень меняются.

«ОДНИ ГИБНУТ, ДРУГИЕ ПЛЯШУТ»

Я в эти дни наткнулась еще на несколько текстов. Все они о Курской области и о том, что часть страны живет так, как будто ничего не происходит. Одни гибнут, другие поют и пляшут. Та самая пропасть.

Один священник рассказывал, как приехал в Москву на похороны родственника и ему бросился в глаза какой-то нескончаемый праздник. И если подойти к людям и спросить, что трагического происходит, то скорее всего не услышишь слова «Курск». У них – свои проблемы, а «то» их не касается. Журналистка писала, что не понимает, как могут москвичи сейчас отдыхать на тех же Патриках. Как вообще сейчас могут люди в одной стране жить: часть – так, а другие – как в Курской области. И много-много еще такого. Всем не давала покоя именно Москва. Как будто только здесь живут люди, которых ничего, кроме их благополучия, не касается. Но это старая добрая традиция ругать москвичей.

Хотя в эти дни читала я и другое:

– Мы здесь собираем на новые территории материальную помощь, а они, оказывается, ездят отдыхать на море в Бердянск. Но тут только руками развести и остается.

К чему я это? Раньше я тоже время от времени удивлялась, что такая пропасть у нас между людьми. И одним нет дела до того, что происходит у других. Да, такие были всегда и всегда будут. Но уже давно, хотя бы по моим сборам, я вижу, что людям не все равно. Вот этим обычным простым людям, которых не коснулось напрямую война и чужая беда, им не все равно. Которых коснулось – тем более.

Пропасть уже не разделяет. Она есть, но люди протягивают в нее руки, чтобы вытянуть тех, кого могут достать. И поддерживают друг друга, чтобы самим не упасть.

«ВЫ ЧТО, ИХ НЕ ВИДИТЕ?»

Тот священник писал, что по-настоящему его радует в эти скорбные дни то, что некоторые его украинские знакомые сочувствуют жителям Курской области. Я его понимаю, у меня тоже есть такие знакомые. Одна из них 14 августа поздравила меня с праздником. И еще туже заматалась тогда мой личный клубок. Но меня радует и другое. Если сейчас вообще что-то может радовать. Люди. Наши прекрасные люди. Москвичи, которых все ругают, принимают у себя дома курских беженцев. Одни, другие, третьи. Четвертые, набив ими до отказа свои и так маленькие квартиры, ищут, куда бы пристроить тех, кто не поместился.

Мелькает в ленте, что кто-то готов поселить у себя на даче тех, кто остался без крова. Кто-то – на морском побережье. У них там гостевой дом. В разгар сезона, они готовы бесплатно дать этим несчастным беженцам крышу над головой.

Мне постоянно кто-то звонит и спрашивает, куда отнести или отправить одежду, моющие средства, одеяла, продукты. Я сама еще плохо знаю, но ищу информацию. Самое интересное, что звонят и тащат вещи еще и те, кто вечерами тусуется на тех же Патриках. Но им не все равно. Понимаете? Им не все равно.

Волонтеры, волонтеры. Молодые парни и девчонки. Я звоню одной. «Прости, я еле говорю, всю ночь размещали людей», – отвечает она.

Волонтеры ездят туда и гибнут. Но ездят. Все это и в Москве, и по всей стране. Читаю, как один модный блогер вывозил людей из приграничных районов. Модный блогер. Другой загрузил машину продуктами и поехал туда. Люди, которых многие считают бездельниками.

Как волонтеры из Запорожской области, к которым самим еще ездят с помощью другие волонтеры («со старой России»), отправились с гуманитарной помощью в Курскую область? Посмотрите вокруг, неужели вы этого не видите?

Кто-то почему-то ехидно писал, что Церковь молчит про Курск. Как воды в рот набрали. «Наверное, заняты своими оскорбленными Олимпиадой чувствами».

Священник спасал у себя в храме людей. Сколько вообще священников помогает сейчас людям! Монахи вывозили из-под обстрелов старых бабок, рискуя своей жизнью. В храмах – какие-то пункты сбора всего, чего только можно. Люди несут, и несут, и спрашивают, чем еще помочь. Это все – Церковь.

И это сейчас везде. Какой вечный праздник, какое равнодушие, какое молчание? Вы что, не видите этих наших прекрасных людей? И москвичей тоже? Почему их только ругают? Но невозможно не радоваться, глядя на них, даже сквозь слезы. Это было всегда: и с Донбассом, и с новыми территориями, и с «Крокусом», и со всем всегда. Но именно сейчас, на фоне Курской областью, они видны так ярко. Это и понятно. Тут уже не где-то там, где-то с кем-то. Это с нами со всеми. И, кстати, на их фоне просто исчезли те, кому все равно.

Надо жить, обязательно надо жить. Тем более сейчас. Когда пропасти уже нет. Мы все стоим на ее краю. И все туже заматывается клубок.

Елена Кучеренко